

УДК 811.161.1

ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГРАММАТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ ЛИЦА С ДРУГИМИ ГЛАГОЛЬНЫМИ ГРАММАТИЧЕСКИМИ КАТЕГОРИЯМИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

© 2016 г.

Э.Ю. Галазов

Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, Владикавказ

egalazov@mail.ru

Поступила в редакцию 05.02.2016

Грамматические категории в структуре глагольной лексемы представляют собой единый комплекс, они переплетены функциональными и парадигматическими взаимосвязями. Поэтому и описание их должно строиться в аспекте этих взаимосвязей, из которых наибольший интерес представляют функциональные. В статье выявляются и описываются на конкретном языковом материале функциональные и парадигматические взаимосвязи грамматической категории лица с другими глагольными категориями: числом, наклонением, видом, временем, залогом, родом. В ходе работы использовались методы наблюдения, описания, функционально-семантический анализ. На основании проведенного исследования выявлено, что наиболее интересные случаи функционирования форм лица (обобщенно-личное, неопределенно-личное, безличное) обусловлены именно функциональными взаимосвязями категории лица с другими глагольными грамматическими категориями.

Ключевые слова: функциональные взаимосвязи, парадигматические взаимосвязи, грамматические категории, обобщенно-личное значение, неопределенно-личное значение, безличное значение, речевой акт, план коммуникации, план информации.

Одной из наиболее интересных глагольных категорий в структурно-семантическом и функциональном аспектах является грамматическая категория лица в современном русском языке. В определении категории лица среди исследователей нет принципиальных разногласий. В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» категория лица определяется как словоизменительная категория, обозначающая отношение субъекта к говорящему лицу [1, с. 271]. В «Русской грамматике» категория лица представлена как система противопоставленных друг другу рядов форм, выражающих отнесенность или неотнесенность действия к участникам речевого акта [2, с. 636]. Формы 1-го и 2-го лица выражают отнесенность действия к участникам речевого акта, им противопоставлены формы 3-го лица, которые такой отнесенности не выражают.

Категория лица тесно связана парадигматическими и функциональными отношениями с другими грамматическими категориями глагола: числом, наклонением, видом, временем, залогом, родом.

Наиболее очевидна связь категорий лица и числа. Ю.С. Маслов, например, понимал категорию лица глагола широко, включая число, а также род [3, с. 163]. Категория лица настолько тесно связана с категорией числа, что Э. Бенвенист их не разграничивал, считая одной грамматической категорией [4, с. 265]. Функцио-

нальные связи категории лица и числа проявляются в том, что неопределенно-личное употребление для 3-го лица сопряжено с множественным числом, а безличное – с единственным числом, т. е. множественное число участвует в выражении неопределенно-личного значения, а единственное число – безличного.

Как известно, неопределенно-личные предложения употребляются в тех случаях, когда говорящий не знает, кто именно является производителем данного действия, или же эта информация неактуальна. Поэтому множественное число глагола в этих предложениях не обязательно выражает значение множественности ('более чем один'), а скорее более абстрактное значение 'один или более'. Фактически явно не выражается, идет ли речь о нескольких или об одном действующем лице. Исходя из того, что множественное число глагола может иметь значение не только реального множества, но и употребляться применительно к одному предмету, можно утверждать, что множественное число глагола является немаркированным членом оппозиции, а единственное число – маркированным членом, поскольку единственное число не может иметь значение реальной множественности. У имен существительных, наоборот, множественное число является маркированным членом оппозиции, а единственное число – немаркированным, поскольку единственное число

может употребляться применительно и к одному предмету, и ко множеству предметов (например, в обобщенном значении: *Русский глагол изменяется по временам*, в собирательном значении: *дом пионера*), тогда как множественное число не может быть употреблено для обозначения одного предмета. Например, в приведенных ниже примерах глагольные формы имеют скорее значение реального множественного числа:

«Затерявшийся и конфузющийся новичок, в первый день поступления в школу (в какую бы то ни было), есть общая жертва: ему *приказывают*, его *дразнят*, с ним *обращаются* как с лакеем» (Ф.М. Достоевский. Подросток. 1875). (Здесь и далее курсив наш. – Э.Г.) «– Я слыхала. Что, там хорошо *учат*?» – «Очень хорошо». (Ф.М. Достоевский. Подросток. 1875). «– Нынче *безлесят* Россию, *истощают* в ней почву, *обращают* в степь и *приготавливают* ее для калмыков». (Ф.М. Достоевский. Подросток. 1875). «Ничего, – решил я, – первую карту непременно *проигрывают*; даже примета хорошая». (Ф.М. Достоевский. Подросток. 1875).

Форма 3-го лица мн. ч. может иметь реальное значение скорее единственного числа, например:

«Позвольте-с: у меня там жену *уведут*; уймете ли вы мою личность, чтоб я не разможил противнику голову?» (Ф.М. Достоевский. Подросток. 1875).

Реальное значение числа часто установить затруднительно, например:

«Я рассчитывал, что нас сегодня непременно *прервут* (недаром же билось сердце), – и тогда, может, я и не решусь заговорить об деньгах». (Ф.М. Достоевский. Подросток. 1875). «*Скажут*, что этак много не наживешь; извините, тут-то и ваша ошибка, ошибка всех этих наших Кокоревых, Поляковых, Губониных». (Ф.М. Достоевский. Подросток. 1875).

Формы 3-го лица единственного числа часто выражают безличное значение. Сам термин «безличность», отмечает А.В. Бондарко, связан с категорией лица. Закономерно поэтому, что это явление и сами безличные глаголы изучаются в связи с категорией лица [5]. Безличность означает бесподлежащность, которая не тождественна бессубъектности, так как семантический производитель действия может иметься, но не в форме именительного падежа. Поэтому А.В. Бондарко полагает, что безличные конструкции целесообразнее рассматривать при анализе семантической категории и поля субъектности, хотя он и допускает их анализ с точки зрения реализации в них семантической категории персональности [5]. Следует учитывать разнородность безличных конструкций с точки

зрения семантики и средств выражения. Степень безличности в них неодинакова. Г.А. Золотова считает, что действие не может произойти без деятеля, действие – это всегда функция действующего лица, за исключением ограниченного круга высказываний, содержащих сообщения о бессубъектных процессах, состояниях природы [6, с. 16–17]. Например, в приведенных ниже конструкциях субъект (носитель предикативного признака) указан, но в косвенном падеже:

«Мне ужасно *нравится*, сударыня, что вы так надменны и величественны: были бы вы помирнее, не было бы такого удовольствия». (Ф.М. Достоевский. Подросток. 1875). «Кто-нибудь вдруг проснется, кому это все *грезится*, – и все вдруг исчезнет». (Ф.М. Достоевский. Подросток. 1875). «Но, *cher enfant*, от красивой свежей женщины яблоком *пахнет*, какое ж тут омерзение!» (Ф.М. Достоевский. Подросток. 1875). «...Крикнул я тогда без намерения, даже за секунду не знал, что так крикну: само *крикнулось* – уж черта такая в душе была». (Ф.М. Достоевский. Подросток. 1875).

В конструкциях же, обозначающих явления природы, состояние окружающей среды, субъект-производитель действия в принципе отсутствует:

«*Стемнело* наконец совсем; я стал перед образом и начал молиться, только скоро-скоро, я торопился» (Ф.М. Достоевский. Подросток. 1875).

А.В. Бондарко относит безличные конструкции к самой крайней периферии персональности [5]. Некоторые исследователи вообще исключают безличные высказывания из категории лица. Р.О. Якобсон, выделяя оппозицию личных форм как признаковой категории и безличных форм как беспризнаковой категории, считает безличные глаголы непарными беспризнаковыми формами [7, с. 215].

Категория лица связана и с прагматической категорией вежливости (респективности) [5, с. 38]. В русском языке, полагает А.В. Бондарко, представлена грамматическая оппозиция с прагматическим содержанием вежливости (респективности), которая выражается сопряженными значениями лица и числа (оппозиция форм типа *ты пишешь* – *вы пишете* при референтной отнесенности к единичному адресату) [5, с. 39]. Например:

«Тот посмотрел с улыбкой удивившегося человека (он меня не любил): – А *вы получаете* жалованье?» (Ф.М. Достоевский. Подросток. 1875).

Категории лица и рода связаны таким образом, что в своем выражении они исключают друг друга, т. е. в тех формах, где выражено лицо, не выражен род и, наоборот, в тех фор-

мах, где выражен род, лицо не имеет формальных показателей, а выражается только синтаксически [2, с. 642]. Это связано с тем, что формы прошедшего времени, в которых имеются морфологические показатели рода и отсутствуют морфологические показатели лица, по происхождению являются причастиями. В прошедшем времени средний род участвует в выражении безличности (*его знобило*).

Категории лица и наклонения переплетены парадигматическими и функциональными связями. Парадигматические связи проявляются в том, что в русском языке каждая форма лица является формой того или иного наклонения, вместе с тем обратной закономерности нет, так как сослагательное наклонение и прошедшее время в изъявительном наклонении не имеют формальных показателей лица. Традиционно формы лица и наклонения выражают значение «сказуемости», причем В.В. Виноградов подчеркивал главенство форм лица в этом сочетании [8]. Категории лица и наклонения формируют предикативность – ключевой признак предложения [1, с. 392–393].

Функциональные связи категорий наклонения и лица находят выражение в том, что формы повелительного наклонения не могут выступать в неопределенно-личном значении, случаи типа *Пусть их не беспокоят* толкуют как сочетания побудительной частицы *пусть* с формами изъявительного наклонения [2, с. 643]. Напротив, формы сослагательного наклонения и формы прошедшего времени изъявительного наклонения могут использоваться в неопределенно-личных и безличных конструкциях. (*Нас бы не поняли; Если бы не шумели по ночам!; Мне не хотелось бы идти*). Безличные глаголы в повелительном наклонении не употребляются, кроме случаев переносного употребления, когда формы повелительного наклонения побуждения не содержат (*Доведись мне встретиться с ним раньше, все было бы иначе*) [2, с. 643]. Функциональные связи категорий лица и наклонения проявляются и в том, что само значение побуждения тесно связано с обращением к собеседнику.

Категория лица связана с конкретным речевым актом, это придает ей дейктический характер и сближает с грамматической категорией времени. Данное мнение, что и для категории времени, и для категории лица следует учитывать два вида функционирования: план коммуникации (речевой) и план информации (повествовательный), распространено в русистике [4, с. 270–284; 9, с. 345; 10, с. 29–33]. Категория времени выражает «внешнее» время действия, то есть ориентацию глагольного действия по

отношению к той или иной точке отсчета. Такой точкой отсчета может быть момент речи либо какой-то другой момент (как правило, время осуществления другого глагольного действия). Момент речи как точка абсолютной системы отсчета по-разному осмысливается в двух планах речи. Для категории лица таким дейктическим центром является говорящий. В плане коммуникации возможно свободное функционирование форм разных лиц и разных времен, в то время как в плане информации в авторском, эпическом повествовании проявляется связанное функционирование форм 3-го лица и форм прошедшего времени. В речевом режиме говорящие конкретны, индивидуальны и связаны единством времени и места, в нем возможны все формы лица. В плане информации связь с конкретной ситуацией отсутствует, поэтому употребляются преимущественно формы 3-го лица, в то время как формы 1-го и 2-го лица либо вообще здесь не употребляются, либо подвергаются некоторой трансформации. В наибольшей степени такой трансформации, считает Е.В. Падучева, подвержена семантика 2-го лица и все языковые элементы, предполагающие 2-е лицо [11, с. 210].

Функциональные связи категорий лица и времени проявляются в том, что значение обобщенности лица при употреблении 2-го лица единственного числа и 3-го лица множественного числа в неопределенно-личных конструкциях предполагает обычность, типичность действия, т. е. его обобщенность во времени, нелокализованность действия во времени [2, с. 644]. При этом обобщенно-личное и неопределенно-личное употребления возможны как в речевом плане, так и в плане повествования. Например, в плане коммуникации:

«Одним словом, мой милый, иногда бывает так, что и *не отвяжешься*». (Ф.М. Достоевский. Подросток. 1875). «Уж одно слово, что он фатер, – я не об немцах одних говорю, – что у него семейство, он живет как и все, расходы как и у всех, обязанности как и у всех, – тут Ротшильдом *не сделаешься*, а *станешь* только умеренным человеком». (Ф.М. Достоевский. Подросток. 1875). «– Я слыхала. Что, там хорошо *учат*? – Очень хорошо». (Ф.М. Достоевский. Подросток. 1875). «– Позвольте-с: у меня там жену *уведут*; уймете ли вы мою личность, чтоб я не разможил противнику голову?» (Ф.М. Достоевский. Подросток. 1875).

В плане информации:

«Но, собственно, об этом после. Этого так *не расскажешь*. Этим человеком и без того будет наполнена вся тетрадь моя». (Ф.М. Достоевский. Подросток. 1875). «По крайней мере с тем

видом светской брезгливости, которую он неоднократно себе позволял со мною, он, я помню, однажды промямлил как-то странно: что мать моя была одна такая особа из незащищенных, которую не то что *полюбишь*, – напротив, вовсе нет, – а как-то вдруг почему-то *пожалейшь*, за кротость, что ли, впрочем, за что?» (Ф.М. Достоевский. Подросток. 1875). «Затерявшийся и конфузющийся новичок, в первый день поступления в школу (в какую бы то ни было), есть общая жертва: ему *приказывают*, его *дразнят*, с ним *обращаются* как с лакеем». (Ф.М. Достоевский. Подросток. 1875). «Васин был, очевидно, лучшим и благонадежнейшим жильцом; такой самый лучший жилец непременно бывает один у хозяйки, и за это ему особенно *угождают*: у него *убирают* и *подметают* тщательнее, *вешают* над диваном какую-нибудь литографию, под стол *подстилают* чохоточный коврик». (Ф.М. Достоевский. Подросток. 1875).

Обобщенно-личные предложения с формами 2-го лица семантически неоднородны, среди них выделяют три разновидности [12]:

1) в пословицах, поговорках, общих предложениях обозначаются действия и состояния, носителем которых может быть каждый человек:

«– За двумя зайцами *погонишься* – ни одного не *поймаешь*, говорит народная, или, вернее, простонародная пословица». (Ф.М. Достоевский. Подросток. 1875);

2) это могут быть высказывания, основанные на личном опыте говорящего, но распространяемые и на других лиц, которые могут оказаться в аналогичной ситуации:

«Размышления же могут быть даже очень пошлы, потому что то, что сам *ценишь*, очень возможно, не имеет никакой цены на посторонний взгляд». (Ф.М. Достоевский. Подросток. 1875). «Спрашивать денег – прегадка история, даже жалованье, если *чувствуешь* где-то в складках совести, что их не совсем заслужил». (Ф.М. Достоевский. Подросток. 1875);

3) наконец, это могут быть события, которые происходили или происходят именно с говорящим:

«*Уходишь* злой и *клянешься*, что завтра это уже не повторится, но завтра опять то же самое». (Ф.М. Достоевский. Подросток. 1875). «Дни уже почти осенние, но ясные, иногда так свежо, *затаишься* в глуши, *забредешь* в лес, пахнет листьями...» (Ф.М. Достоевский. Подросток. 1875).

Парадигматические связи между временем и лицом выражены в том, что противопоставление по лицу морфологически представлено в формах настоящего и будущего времени, но отсутствует в прошедшем времени [2, с. 644].

Связь категории лица с залогом проявляется в том, что категория лица, как и категория залога, неразрывно связана с понятиями подлежащего и субъекта. Связь между лицом и субъектом может ослабляться в конкретных конструкциях, тогда и возникают различные переносные и расширительные употребления форм лица: обобщенно-личное, неопределенно-личное, безличное.

Формы лица семантически весьма неоднородны. В формах 1-го лица единственного и множественного числа, даже и при отсутствии субъекта, например, в определенно-личных предложениях, и даже при переносном употреблении, сохраняется отношение к конкретному субъекту речи. И в этом смысле 1-е лицо тоже можно назвать маркированным членом оппозиции форм лица. Значение форм 2-го лица гораздо более неопределенно и растяжимо, эти формы абстрактнее форм 1-го лица [8]. Форма 3-го лица «синтаксически сочетает признаки определенно-личного отношения к деятелю или производителю действия с возможностью полного устранения субъекта действия», причем степень устраненности лица, или, иначе, степень участия субъекта в бесподлежащих конструкциях, может быть различной [8, с. 376, 378–379, 381–382]. Д.Н. Овсяннико-Куликовский называл 3-е лицо в безличных конструкциях «мнимым» [13, с. 101]. А.М. Пешковский указывал, что это не настоящее 3-е лицо и не настоящий средний род [14, с. 342–343].

Функциональные взаимосвязи категорий лица и залога проявляются в том, что в неопределенно-личном и обобщенно-личном употреблении могут выступать лишь глаголы действительного залога. Например:

«А главное – почтительность, эта скромная почтительность, именно та почтительность, которая необходима для высшего равенства, мало того, без которой, по-моему, *не достигнешь* и первенства». (Ф.М. Достоевский. Подросток. 1875). «Васин был, очевидно, лучшим и благонадежнейшим жильцом; такой самый лучший жилец непременно бывает один у хозяйки, и за это ему особенно *угождают*: у него *убирают* и *подметают* тщательнее, *вешают* над диваном какую-нибудь литографию, под стол *подстилают* чохоточный коврик». (Ф.М. Достоевский. Подросток. 1875).

Употребление возвратных глаголов и возвратных форм переходных глаголов в страдательном значении характерно главным образом для форм 3-го лица, а употребление 1-го и 2-го лица встречается редко [2, с. 644].

«...Крикнул я тогда без намерения, даже за секунду не знал, что так крикну: само *крикнулось* – уж черта такая в душе была»

(Ф.М. Достоевский. Подросток. 1875). «И куда сейчас дену бронзовые подсвечники, и будет ли достигнута цель, и так ли дело *делается*, и удастся ли мой расчет?» (Ф.М. Достоевский. Подросток. 1875). «Кто-нибудь вдруг проснется, кому это все *грезится*, – и все вдруг исчезнет». (Ф. М. Достоевский. Подросток. 1875).

Между категориями вида и лица тоже существуют функциональные связи, например, обобщенно-личные употребления форм 2-го лица единственного числа часто осложняются дополнительными модальными оттенками, которые связаны с совершенным видом (с так называемым потенциальным частным видовым значением) [15]. Это весьма характерный для Ф.М. Достоевского тип функционирования форм 2-го лица:

«А я меж тем уже знал всю его подноготную и имел на себе важнейший документ, за который (теперь уж я знаю это наверно) он отдал бы несколько лет своей жизни, если б я открыл ему тогда тайну. Впрочем, я замечаю, что наставил загадок. Без фактов чувств *не опишешь*» (= не сможешь описать. – Г.Э.) (Ф.М. Достоевский. Подросток. 1875). «Но, собственно, об этом после. Этого так *не расскажешь* (= не сможешь рассказать. – Г.Э.). Этим человеком и без того будет наполнена вся тетрадь моя». (Ф.М. Достоевский. Подросток. 1875). «Уж одно слово, что он фатер, – я не об немцах одних говорю, – что у него семейство, он живет как и все, расходы как и у всех, обязанности как и у всех, – тут Ротшильдом *не сделаешься* (= не сможешь сделаться. – Г.Э.), а *станешь* (= сможешь стать. – Г.Э.) только умеренным человеком». (Ф.М. Достоевский. Подросток. 1875).

Парадигматические же связи с видом заключаются в том, что формы повелительного наклонения совместного действия, которые представляют собою 1-е и 2-е лицо, обнаруживают некоторые ограничения с точки зрения вида [2, с. 644].

Таким образом, описание форм лица должно строиться в аспекте взаимосвязи с другими глагольными грамматическими категориями, так как грамматические категории в структуре глагольной лексемы представляют собой единый комплекс. Наиболее интересные случаи функ-

ционирования форм лица (обобщенно-личное, неопределенно-личное, безличное) обусловлены именно функциональным взаимодействием категории лица с другими глагольными грамматическими категориями.

Источники

1. Достоевский Ф.М. Подросток (1875) // Национальный корпус русского языка // ruscorpora.ru.

Список литературы

1. Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцевой. М.: Советская энциклопедия, 1990. 683 с.
2. Русская грамматика: В 2 т. М.: Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова, 2005.
3. Маслов Ю.С. Введение в языковедение. М.: Высшая школа, 1987. 272 с.
4. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 448 с.
5. Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. Л.: Наука, 1991. 184 с.
6. Золотова Г.А. О принципах классификации простого предложения // Актуальные проблемы русского синтаксиса: Сб. ст. М., 1984. С. 14–35.
7. Якобсон Р.О. Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. 460 с.
8. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.: Высшая школа, 1986. 639 с.
9. Гвоздев А.Н. Современный русский язык. Ч. I. 3-е изд. М.: Просвещение, 1967. 432 с.
10. Бондарко А.В. Семантика лица // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. Л., 1991. С. 5–40.
11. Падучева Е.В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива). М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.
12. Богданов С.И., Евтюхин В.Б., Князев Ю.П. и др. Морфология современного русского языка: Учеб. для высших учебных заведений Российской Федерации. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2013. 640 с.
13. Овсяннико-Куликовский Д.Н. Синтаксис русского языка. СПб.: Издание И.Л. Овсяннико-Куликовской, 1912. 313 с.
14. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. 7-е изд. М.: Учпедгиз, 1956. 511 с.
15. Бондарко А.В. Вид и время русского глагола. М.: Просвещение, 1971. 239 с.

FUNCTIONAL INTERACTION OF THE GRAMMATICAL CATEGORY OF PERSON WITH OTHER VERBAL GRAMMATICAL CATEGORIES IN MODERN RUSSIAN*E.Yu. Galazov*

Grammatical categories in the structure of verbal tokens represent a single complex, they interact functionally and paradigmatically. Therefore, they should be described in the aspect of these relationships, where the functional ones are of greater interest. The article identifies and describes functional and paradigmatic interactions of person with other verbal categories: number, mood, aspect, tense, voice, gender. The research involved the use of the methods of observation, description, functional and semantic analysis. The study revealed that functional interaction of person with other verbal grammatical categories determines the most interesting cases of person forms functioning (generalized-personal, indefinite-personal, impersonal).

Keywords: functional interaction, paradigmatic interaction, grammatical categories, generalized personal meaning, indefinite personal meaning, impersonal meaning, speech act, communication plan, information plan.

References

1. Lingvisticheskij ehnciklopedicheskij slovar' / Pod red. V.N. Yarcevoj. M.: Sovetskaya ehnciklopediya, 1990. 683 s.
2. Russkaya grammatika: V 2 t. M.: In-t russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova, 2005.
3. Maslov Yu.S. Vvedenie v yazykoznanie. M.: Vysshaya shkola, 1987. 272 s.
4. Benvenist Eh. Obshchaya lingvistika. M.: Progress, 1974. 448 s.
5. Teoriya funkcional'noj grammatiki. Personal'nost'. Zalogovost'. L.: Nauka, 1991. 184 s.
6. Zolotova G.A. O principah klassifikacii prostogo predlozheniya // Aktual'nye problemy russkogo sintaksisa: Sb. st. M., 1984. S. 14–35.
7. Jakobson R.O. Izbrannye raboty. M.: Progress, 1985. 460 s.
8. Vinogradov V.V. Russkij yazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove. M.: Vysshaya shkola, 1986. 639 s.
9. Gvozdev A.N. Sovremennyj russkij yazyk. Ch. I. 3-e izd. M.: Prosveshchenie, 1967. 432 s.
10. Bondarko A.V. Semantika lica // Teoriya funkcional'noj grammatiki. Personal'nost'. Zalogovost'. L., 1991. S. 5–40.
11. Paducheva E.V. Semanticheskie issledovaniya (Semantika vremeni i vida v russkom yazyke. Semantika narrativa). M.: Yazyki russkoj kul'tury, 1996. 464 s.
12. Bogdanov S.I., Evtyuhin V.B., Knyazev Yu.P. i dr. Morfologiya sovremennogo russkogo yazyka: Ucheb. dlya vysshih uchebnyh zavedenij Rossijskoj Federacii. SPb.: Filologicheskij fakul'tet SPbGU, 2013. 640 s.
13. Ovsyaniko-Kulikovskij D.N. Sintaksis russkogo yazyka. SPb.: Izdanie I.L. Ovsyaniko-Kulikovskoj, 1912. 313 s.
14. Peshkovskij A.M. Russkij sintaksis v nauchnom osveshchenii. 7-e izd. M.: Uchpedgiz, 1956. 511 s.
15. Bondarko A.V. Vid i vremya russkogo glagola. M.: Prosveshchenie, 1971. 239 s.